

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Выпускная квалификационная работа
на тему:

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОГНОСТИКА:
КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ XX ВЕКА**

по направлению подготовки 030600 «История»
образовательная программа бакалавриата «История»
профиль: История западноевропейской и русской культуры

Выполнила:

студентка 4 курса
очного отделения
Беклямишева Алиса Андреевна

Научный руководитель:

к.и.н., доцент
Шибает Михаил Алексеевич

Санкт-Петербург
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Образ будущего как предмет историко-культурного анализа.....	9
Глава II. Трансформация образа будущего в России XX века.....	17
§ 1.Образ будущего в дореволюционной России.....	18
§ 2.Образ будущего в послереволюционный период.....	25
§ 3.Образ будущего в довоенный период.....	31
§4.Образ будущего в послевоенный период.....	34
Заключение	42
Список источников и литературы	47
Приложения.....	56

ВВЕДЕНИЕ

XX столетие в истории нашей страны стало периодом затяжного социального эксперимента, чей масштаб и значение не удается беспристрастно оценить даже спустя почти три десятилетия после его завершения. Трагедия Первой мировой и революционные события 1917 года, победа в Великой Отечественной войне и противостояние с капиталистическим блоком, культурная революция и научно-технический прогресс сформировали беспрецедентно благотворные условия для социального прогнозирования, чему также способствовала господствующая идеология, укорененная в просвещенческом эволюционизме. Казалось бы, будущее превалировало в историческом сознании советского общества. И власть, и ее противники пытались целенаправленно использовать его в целях самолегитимации, делегитимации оппонентов и мобилизации сторонников.

На сегодняшний день значительный объем *прогнозов и предвидений*, сформировавшихся в политическом и литературном дискурсах в период НЭПа, на ранних этапах индустриализации, в эпоху «оттепели» и на заре Перестройки, по-прежнему остается вне рамок профессионального осмысления, тогда как иные проявления исторического сознания в рассматриваемый период (например, коллективная память) уже превратились в объекты фундаментальных исследований.

Обозначенная теоретическая проблема может трактоваться и более широко. Следствием «мемориального поворота» в исторической науке, обособившего «*историю памяти*» в отдельное направление,¹ стало последовательное снижение исследовательского внимания к *образу будущего*, как неотъемлемому компоненту *исторического сознания*. В работе В.Н. Сырова, обобщающей отечественные изыскания в сфере исторического сознания, приводятся целый ряд определений этого понятия, где между ним

¹Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3 [Электронный ресурс], - URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 10.02.2017).

и исторической памятью фактически ставится знак равенства (то есть, провозглашается тождественность целого и части).² Усилиями последователей «memory studies» в исторической науке утвердились концепции «мест памяти» (П. Нора), «коммуникационной» и «культурной» памяти (Я. Ассман), «наследия» (Д. Лоуэнталь), «политики памяти» и т.д., тогда как столь же мощной интеллектуальной традиции, изучающей конкретно-исторические представления сообществ о будущем, не сформировалось.

Для обозначения области знания, рассматривающей *образы будущего* и формирующие их факторы в контексте конкретной исторической эпохи, мы предлагаем использовать термин *историческая прогностика*, понимаемый как междисциплинарное поле на стыке истории культуры, социологии и исторической психологии. Объектом изучения *исторической прогностики* выступают социальные ожидания и прогнозы, горизонт которых остался в прошлом, а предметом - степень точности этих суждений о будущем (с учетом реально произошедших событий). Иными словами, мы планируем не только рассматривать прогнозы на предмет их влияния на формируемый в конкретно-исторический период образ будущего, но и анализировать их точность, выделяя сбывшиеся, несбывшиеся и частично верные.

Предварительный *историографический анализ* подтвердил значительный объем корпуса исследовательских текстов, формирующих теоретическую базу современной прогностики. Среди отечественных специалистов, посвятивших себя данной проблематике, следует выделить социологов И.В. Бестужева-Ладу и Е.И. Ставицкую, культуролога И.Д. Тузовского, политолога С.Г. Кара-Мурзу, философов Е.В. Цветкова, В.И. Пантина и В.В. Лапкина. Отметим, что в исследованиях перечисленных

²Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2013. №1 (21). С.183.

авторов изучение образов будущего в конкретно-исторических условиях является менее приоритетной задачей, нежели собственное прогнозирование.

Отдельного внимания заслуживают исследования непосредственно «исторической» прогностики: работы А.И. Деменцева (образ будущего в философских течениях кон. XIX – нач. XX века), Е.В. Шахматовой (мифотворчество Серебряного века) и А.А. Фокина (образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950-60-х годов). Наконец, чрезвычайно подробные анализ феномена советского и российского литературного прогнозирования представлены в работах литературоведов Ю.В. Ревича, Л. Геллера и М. Нике.

Подчеркнем, что междисциплинарный характер проблемного поля исторической прогностики обуславливает методологический и терминологический плюрализм, преодоление которого по-прежнему остается актуальной *теоретической задачей*. Проблемой является и раздробленность предмета исследования: философы и литературоведы, сконцентрировавшиеся на изучении самих образов будущего, действуют в отрыве от социологов, анализирующих связь исторических условий бытования социальных групп со структурными особенностями их исторического сознания.

Отметим, что осмысление образов будущего, бытовавших в прошлом, позволяет успешно подготовить общество к появлению социальных инноваций.³ Весьма показателен в этом контексте пример изучения западными исследователями истории «трансгуманизма» (продолжительной череды прогнозов о перспективах совершенствования человеческой природы),⁴ происходящего на фоне достижений современной генетики. Это обуславливает *практическую актуальность* данной работы.

³Князева Е.Н. Конструирование будущего // Сайт С.П. Курдюмова. [Электронный ресурс] - URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/konstruirovanie-budushhego/2/> (датаобращения: 11.02.2017).

⁴Bostrom N. A history of transhumanist thought // Journal of Evolution and Technology. Vol. 14. Issue 1. April 2005. P. 1-25.

Объектом выпускной квалификационной работы являются образы будущего, рассматриваемые в качестве элементов исторического сознания дореволюционного и советского общества, а также социальные факторы, способствующие утверждению данных образов.

Предметом выпускной квалификационной работы являются представления о будущем, отразившиеся в литературном дискурсе в период с 1900-го по 1991 год.

Выбор, сделанный в пользу художественных текстов, объясняется тем, что на протяжении всего исследуемого периода именно литературные утопии и антиутопии представляли собой промежуточное звено между «символической» политикой власти и реакцией на нее со стороны образованной части населения. Литература являлась общепризнанным политическим языком советского периода, отражавшим все «борения общественных страстей».⁵

Творчество публикуемых писателей, с одной стороны, неизбежно следовало идеологическому «канону», а с другой, так или иначе, отражало историческое сознание окружавшего их общества (прежде всего, урбанизированной и образованной части населения), воплощало в себе характерные для данного периода представления о прошлом, настоящем и будущем (Приложение 1. Схема 1.). Имела место и обратная зависимость: прогнозы, представленные в художественных произведениях, могли носить «мобилизующий» характер, оказывать собственное влияние на массовое сознание.

Цель выпускной квалификационной работы: выявить содержание и векторы трансформации образа будущего в историческом сознании предреволюционного и советского общества.

Цель исследования конкретизируется в следующих *задачах:*

⁵Ревич В. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М., 1998. С. 17.

1. Провести теоретический анализ концепта «образ будущего», рассмотреть проблемы соотнесения образа будущего и социальной группы, образа будущего и коллективной памяти, образа будущего и прогнозирования;
2. Выявить специфику социального прогнозирования (в том числе, литературного);
3. Охарактеризовать образ будущего в предреволюционный период, опираясь на анализ художественной литературы и обзор наиболее влиятельных политико-идеологических, социально-экономических и технологических факторов;
4. Проследить динамику трансформации образов будущего в период становления советского государства;
5. Провести анализ образа будущего советского общества в период форсированной индустриализации (на примере художественной литературы);
6. Охарактеризовать образ будущего советского общества во второй половине XX века (периоды «оттепели», «застоя» и «Перестройки»);
6. Обобщить представления о трансформации образа будущего в социокультурном пространстве России XX века.

В ходе исследовательской работы широко применялись общенаучные *методы* историзма, системного анализа и компаративного анализа, а также метод немеханизированного дискурс-анализа (осуществляемого вручную).

Исследование базируется на обширной *источниковой базе*, включающей в себя *около 50* художественных произведений, созданных в описываемый период, а также политическую публицистику.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Первая глава посвящена теоретическому осмыслению образа будущего, как неотъемлемого элемента исторического сознания. Через призму социального конструктивизма рассматриваются проблемы соотнесений образа будущего и социальной группы, образа будущего и коллективной памяти, образа будущего и индивидуального прогнозирования. Там же

приводится краткий обзор основных этапов складывания современных представлений об историческом времени, прогрессе и стадийной концепции истории, рассматриваются литературно-философские феномены политической утопии и научной фантастики, их взаимосвязь.

Во второй главе рассматривается динамика представлений о будущем, бытующих в историческом сознании дореволюционного (начало XX века) и советского общества, выявляются основные факторы формирования тех или иных прогнозов, оценивается их влияние в общественном сознании. Наибольшее внимание уделено трансформации образа будущего в художественной литературе.

ГЛАВА I.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

В 1960-х годах провозглашенная Л. Февром и М. Блоком «новая историческая наука» выдвинула на первый план т.н. «историю потаенных мыслительных структур»,⁶ противопоставленную традиционной «событийной» истории. Идеи, ценности и представления, характерные для массового сознания в конкретных исторических условиях, превратились в первостепенный объект исторического анализа, осуществляемого с активным применением методологии других общественных наук – социологии, философии, антропологии и психологии. Два десятилетия спустя «антропологический поворот», проводниками которого выступили Б. Андерсон («Воображаемые сообщества»), Э. Хобсбаум («Социология социального пространства»), К. Гиртц («Здравый смысл как культурная система»), П. Бурдьё («Социальное пространство и символическая власть») и др., окончательно утвердил понятие «историческое сознание» в западной историографии.

Под *историческим сознанием* понимается все совокупность практик, связанных с восприятием исторического времени (прошлого, настоящего и будущего в их взаимосвязи) определенным сообществом в конкретно-исторических условиях (Приложение 1. Схема 2.). Советский историк М.А. Барг предложил трактовать историческое сознание как «форму общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени - прошлое, настоящее и будущее»,⁷ а философ А.Х. Самиев, в свою очередь, понимал под историческим сознанием «осознание обществом (классом, нацией, социальной группой, индивидом) своего

⁶ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа анналов. М., 1993. С. 48.

⁷ Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 49.

прошлого, своего положения во времени, связи своего прошлого с настоящим и будущим».⁸

Нетрудно заметить, что в приведенных определениях исторического сознания модусы прошлого и будущего рассматриваются как *равнозначные* и взаимовлияющие. Известный специалист по исторической семантике Р. Козеллек отмечал, что еще в конце XVIII века «с понятием истории начинают связывать горизонт социального и политического планирования, устремленность в будущее».⁹

По мере развития исторического сознания обществ модерна утвердилась и обратная зависимость, выраженная К. Ясперсом: «наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее».¹⁰

Антиципаторная функция, то есть способность к предвидению, является одной из основополагающих функций человеческого сознания, позволяющей познавать недоступные опыту и проверке положения, исследуя их в форме идеальной модели.¹¹ Перед тем, как сделать шаг, человек представляет последствия этого шага, а значит, строит в своем сознании образ будущего.¹² На надындивидуальном уровне представления о будущем, рассматриваются нами как *социальные конструкты*, то есть наборы субъективных представлений, в процессе повседневной коммуникации воспринимаемые как элементы объективной реальности (данное толкование «конструкта» было предложено социологами П. Бергером и Т. Лукманом).¹³

⁸Самиев А. Генезис и развитие исторического сознания. – Душанбе, 1988. – С. 3.

⁹Козеллек Р. Можем ли мы распорядиться историей? // Отечественные записки. Журнал литературный, политический и ученый. 2004. № 5. [Электронный ресурс] - URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriey-iz-knigi-proshedshee-budushchee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni>

¹⁰ Ясперс К. О смысле и назначении истории. М., 1991. С. 135.

¹¹ Бауэр А., Эйхгорн В., Кребер Г. и др. Философия и прогностика. М., 1971. С. 15

¹²Кара-Мурза С.Г. Образ будущего как ресурс // Сайт С.П. Курдюмова. [Электронный ресурс] - URL: <http://spkurdyumov.ru/future/upravlenie-razvitiem-predvidenie-i-proektirovanie-budushhego/2/>

¹³Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995. - 323 с.

Создание картин желаемого будущего является неотъемлемой частью всех важнейших культурных форм: мифологии, религии, философии, искусства, науки и идеологии.¹⁴ Прогнозы в форме мистических предсказаний выполняли функции легитимации властных решений и мобилизации уже на самых ранних этапах человеческой истории, однако их значение существенно возросло с зарождением представлений о линейном времени в античных культурах средиземноморья. Роль прорицателей и оракулов, активно участвующих в политике древнегреческих полисов, отражена в ряде статей отечественных и зарубежных антиковедов, обзор которых осуществлен в недавно вышедшей статье Г.И. Марченко.¹⁵

С возникновением авраамических религий историческое сознание средиземноморских сообществ обогатилось комплексом представлений о «божественной» цели истории – *провиденциализмом*. От языческих форм предвидения отказались в пользу образов будущего, сочетавших в себе элементы художественного и рационального сознания. Распространение христианских текстов породило феномен эсхатологических пророчеств, нередко использующихся лидерами религиозных течений. Интересно вспомнить в этой связи утопии о граде Китеже или грядущем правлении «царя от нищеты», описанном в ходившем по Руси во множестве списков апокрифическом житии Андрея Юродивого.¹⁶

Отметим также, что *образ будущего*, под которым мы понимаем «комплекс ожиданий в связи с наступлением будущего, которое еще не существует, оформленный вербально, знаково или иными

¹⁴ Арефьева Н.Т. Прогнозирование и его социокультурные цели // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4. [Электронный ресурс] - URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Arefieva/>

¹⁵ Марченко Г.И. Платон о пророчестве как политическом консультировании // Власть. 2016. №6. С.152-159.

¹⁶ Геллер Л. Вселенная за пределом догмы. Размышления о советской фантастике. Лондон, 1985. С.17.

способами»,¹⁷ играет роль маркера идентичности: члены общественной группы становятся таковыми, принимая некое прошлое как «свое», из чего в дальнейшем следует прогнозирование «своего» будущего в составе данного сообщества. Подобно коллективной памяти, динамика которой развивается за счет «проработки» наиболее значимых эпизодов прошлого, общественные дискуссии о будущем выстраиваются вокруг отдельных сюжетов, связанных с прогнозированием последствий наиболее значимых для членов сообщества явлений настоящего.

Как правило, модус будущего имеет большее значение при самоидентификации членов малых и средних сообществ, например, политических партий и общественных движений, тогда как при формировании идентичности национально-государственных сообществ превалирует образ прошлого (впрочем, политическое прогнозирование все же используется агентами «нациестроительства»,¹⁸ успешно совмещаясь с историософскими концепциями «особого пути»).

Проблема идентификации через будущее связана с тем, что, в отличие от образа прошлого, который, в своей основе, является «общепризнанным», образ будущего нестабилен и нередко противоречив. Будучи продуктом перманентной общественной дискуссии, он характеризуется подвижностью, динамичностью и эмоциональной насыщенностью.

«В научной фантастике и в архитектуре можно наблюдать интересную закономерность – многое из того, что предсказывают профессиональные фантасты, сбывается», – отмечают С.А. Малахов и А.П. Раков.¹⁹ Основатель истории идей А. Лавджой объяснял это тем, что однажды возникшая идея не

¹⁷ Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск, 2009. С. 29.

¹⁸ Кара-Мурза С.Г. Образ будущего как ресурс // Сайт С.П. Курдюмова. URL:<http://spkurdyumov.ru/future/upravlenie-razvitiem-predvidenie-i-proektirovanie-budushhego/2/>

¹⁹ Малахов С.А., Раков А.П. Футуристические предсказания в формообразовании // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 2. С. 260.

исчезает с течением времени, а подвергается непрерывным изменениям и переработкам, в конце концов реализуясь в какой-либо из своих форм.²⁰

Российский философ И.Д. Тузовский отмечал, что «образ будущего касается перспектив развития социума и основывается на явлениях актуальной социальности, прогностике, индивидуальном и творческом осмыслении будущего и проблем настоящего, имеет эмоциональную окраску и способен оказать влияние на современное автору время».²¹ По мнению А.А. Дыдрова, главная ценность образа будущего заключается в том, что только в будущем можно увидеть еще не реализованный, а только придуманный проект и только оно дает шанс на качественные изменения в лучшую сторону в общественной жизни.²²

Таким образом, в отличие от коллективной памяти, требующей от индивида лишь пассивного принятия идентичности, образ будущего способствует мобилизации членов сообщества, требует активных действий в своем отношении.

В процессе конструирования образа будущего важную роль играет изначальное отношение субъекта к временной динамике (восприятие будущего как прогресса или регресса), во многом связанное с культурными особенностями и исторической памятью данного сообщества. В период Нового времени, под воздействием рационализации и секуляризации сознания, прогноз стал пониматься, прежде всего, как научное предвидение.²³ Рождение философии истории и поиск ее «универсальных» законов (как в русле непосредственно исторической науки, так и в рамках зарождающейся социологии) позволили заменить «сакральные» предвидения логикой

²⁰Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М., 2001. С.20.

²¹Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск, 2009. С. 36.

²²Дыдров А.А. Основополагающие черты образа и фрагментарность образа будущего // Образ человека будущего. 2014. №1. С. 97.

²³Бауэр А., Эйхгорн В., Кребер Г. И др. Философия и прогностика. М., 1971. С.16

исторического детерминизма, «научной» верой в то, что «мир с неизбежностью движется в заданном направлении».²⁴

В начале XX столетия представители большей части политического спектра, за исключением крайне левых сил, отказались от позитивной прогностики, объявив учение о прогрессе неоправданным ни с научной, ни с философской, ни с моральной точек зрения.²⁵ Второй виток научно-технической революции отчасти изменил эти представления.

В 1965 году Э. Тоффлер предложил понятие «футурошок»,²⁶ обозначающее культурную травму, вызванную неспособностью масс воспринять изменения социальной реальности, как желательные.

В демократических государствах образ будущего, формально, не является предметом целенаправленного конструирования со стороны власти. Его, в отличие от исторической памяти, не преподают в школах и не навязывают в рамках культурной политики, однако ключевые представления об «общем» будущем сообщества, так или иначе, формируются заинтересованными в этом субъектами.

Механизмом конструирования образа будущего служит «мобилизационное» прогнозирование. В периоды планомерного развития общества «мобилизирующие» прогнозы нередко ставятся на «научную» основу, а в моменты социальных потрясений превращаются в то, что С.Н. Булгаков в своей работе «Апокалиптика и социализм» обобщил под религиозным термином «хилиазм».²⁷

Прогноз имеет важное побуждающее значение: концентрируя внимание на отдельных аспектах предполагаемого будущего, он мобилизует человека,

²⁴ Травин Д. Я., Маргания О. Л. Модернизация от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: АСТ, 2011. С. 323.

²⁵ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 146.

²⁶ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. С. 16.

²⁷ Кара-Мурза С.Г. Образ будущего как ресурс // Сайт С.П. Курдюмова. URL: <http://spkurdyumov.ru/future/upravlenie-razvitiem-predvidenie-i-proektirovanie-budushhego/2/>

его творческую активность и волю, которые сосредотачиваются на реализации «оптимальных» (с точки зрения субъекта прогнозирования) вариантов развития.²⁸ Нередко прогноз служит «социокультурной» предпосылкой для перехода к планированию – директивному побуждению к достижению конкретной задачи путем выполнения определенного алгоритма. Промежуточным звеном между планированием и прогнозированием служит современная технология форсайта – «проектирования» будущего на основе прогнозов, исходящих непосредственно от субъектов планирования в определенной отрасли.

В зависимости от структуры, И.В. Бестужев-Лада разделял прогнозы на предвидение в форме предсказания, предчувствие (простое предвосхищение), предугадывание (сложное предвосхищение) и научный прогноз.²⁹ Также в литературе нередко встречается классификация прогнозов по временной удаленности. Выделяются краткосрочные (до 5 лет), среднесрочные (до 25 лет) и долгосрочные (более 25 лет) прогнозы.

Сложившиеся законы жанра предопределили развития литературного прогнозирования по двум траекториям: *научная фантастика* и *политическая утопия*. Рождение научной фантастики произошло в период научно-технической революции XIX столетия, описывающий перспективы развития общества будущего. Классическими его примерами стали произведения Ж. Верна и Г. Уэллса, содержащие в себе элементы социальных прогнозов.

Утопия представляет собой более древний жанр. В отличие от фантастики, приветствующей настоящее, утопизм подразумевает неприятие существующей реальности, ведь потребность конструировать новую

²⁸Пантин В.И. Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006. С.8.

²⁹Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск, 2009. С. 48.

действительность возникает лишь в том случае, когда объективная индивидуальность не устраивает.³⁰

Возникновение *антиутопий* также подразумевает попытку делегитимировать настоящее – путем абсурдистского преувеличения отдельных проблем. Мобилизационный потенциал антиутопий более значителен, их характеризует реализм и точность прогнозов. Важным структурным элементом антиутопии, отличающим ее от утопии, является наличие группы «недовольных» существующем в антиутопическом мире порядком. Как правило, повествование ведется от их лица.

В «чужом» образе будущего выявляются доминанты – слабые места, значимые для современников автора, по которым и наносится «символический» удар. Среди них можно встретить проблему перенаселения, торжество тоталитарного государства, деградацию культуры и т.д. Тузовский также указывает на перспективу внечеловеческого состояния людей и утраты ими свободы личности.³¹

³⁰Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск, 2009. С. 136.

³¹Там же. С. 144.

ГЛАВА II.

ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО В ПРОСТРАНСТВЕ XX ВЕКА

В рамках данного исследования были выделены *четыре периода* развития исторического сознания, каждый из которых формировался под воздействием определенных объективных факторов и характеризовался конкретными представлениями о будущем. При анализе художественной литературы, погружаемой в политико-идеологический, социально-экономический и технологический контекст периода, выявлялись ключевые характеристики, относящиеся к господствующему в конкретно-исторический момент образу будущего.

Следует подчеркнуть, что выбор обозначенных ранее периодов был осуществлен нами не только в силу сложившейся историографической традиции, но и вследствие выявления характерных для каждого из них состояний исторического сознания.

Дореволюционный период характеризуется ускорением научно-технического прогресса и урбанизации, нагнетанием тревожности в массовом сознании и, соответственно, интенсивным расширением репертуара прогнозов.

Послереволюционные события демонстрируют столкновение утопического сознания с политическими реалиями: доминирующая часть общества по-прежнему ориентируется на партикулярную модель традиционного сознания, социалистическая утопия уже не может развиваться по дореволюционным канонам, не входя в противоречие с действительностью, а в среде «попутчиков» зреют первые антиутопии, направленные на низвержение социалистического идеала.

Период установления внутривластной диктатуры характеризуется настойчивой попыткой запретить или исчерпать образ будущего. В 1930-е мы наблюдаем принципиально иную, нежели ранее, структуру исторического сознания.

Наконец, «оттепель» предстает вторым рождением утопического сознания, однако общественный идеал меняется на более гуманистический и, одновременно с тем, технократический.

При анализе *дореволюционного периода* был сделан акцент на образе будущего, господствовавшем в социальной группе левой революционной интеллигенции – будущих агентов социальных изменений.

На этапе исследования *послереволюционного периода* доминирующие образы будущего, выдвигаемые просоветскими литераторами, и ранние утопии писателей-«попутчиков» (не столько антисоветские, сколько антииндустриальные в целом) были соотнесены с ключевыми инициативами власти по формированию образа будущего в контексте намеченной культурной революции.

При анализе *периода установления внутрипартийной диктатуры* внимание было уделено переносу внимания на модус прошлого и трансформацию исторического сознания в состояние «вечного настоящего». Особое внимание было уделено произошедшему в литературе переходу от утопического к научно-фантастическому жанру.

В рамках изучения трансформаций *послевоенного* образа будущего, ввиду значительного расширения объемов научно-фантастической литературы, акцент делается на творчестве наиболее влиятельных писателей-«шестидесятников».

Прогнозы, выявленные путем дискурс-анализа рассмотренных литературных произведений, оценивались на предмет соответствия наступившей реальности (Приложение 3. Таблица 1.).

§ 1. Образ будущего в дореволюционной России

Первые десятилетия XX века характеризовались процессами постепенной индустриализации и урбанизации России, превращающейся из аграрной в аграрно-индустриальную страну. Продолжала стремительно размываться традиционная система включения человека в социальное пространство, где его статус закреплялся сословной, территориальной и

этнической принадлежностью. Динамизм социальных и научно-технических изменений, особенно остро ощущаемых в городской среде, создавал почву для широкого распространения мифотворчества. Подавляющее большинство населения страны, при этом, проживало в сельской местности и (вплоть до конца 1930-х годов) оставалось, в массе своей, неграмотным. Архаичное мировоззрение деревни, подробно освещенное, в частности, О.А. Суховой, никак не соотносилось с индустриальной идеологией, разделяемой революционной интеллигенцией. Долгое время идентичность крестьян строилась вокруг «мира» (общины), а образ будущего оставался локален и связан, прежде всего, с переделом земли.³²

Исследователи отмечают, что к изменению традиционного уклада крестьянского сознания не привели ни события первой русской революции, ни столыпинские реформы, ни Первая мировая война.³³ Утопическое сознание в те годы – это, прежде всего, «городской миф, городская сказка»,³⁴ отражающая чаяния и опасения широких слоев образованного городского населения.

Трансформация образа будущего на рубеже веков в значительной степени определялась научно-техническим прогрессом. Культ науки в этот период достиг своего апогея. Принцип относительности Эйнштейна продемонстрировал релятивистский характер современного знания, низвергнув прежнюю «механистическую» картину мира. Создаваемая техника (аэропланы, автомобили, телеграф и т.д.) поразила воображение современников. Авангардистское искусство, вдохновляясь мощью научно-

³² Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства, конец XIX-начало XX века, М., 2008. С. 43.

³³ Чернышева А.В. Письма во власть как отражение результатов государственной политики // Социология власти. 2005. №4. С. 120.

³⁴ Сухих И.Н. Русский канон: книги XX века. М., 2013. С.94.

технического прогресса, позаимствовало общенаучные методы анализа и синтеза в качестве творческих приемов.³⁵

Ощущения «разрыва» с прошлым обусловили популярность литературно-философские представлений о конце света и вечном возвращении (метемпсихоз) демонстрирующие стремление консервативной части интеллигенции выйти за пределы ставшего «неудобным» исторического времени.³⁶

Антиутопическим изложением характерных взглядов творческой интеллигенции описываемого периода можно счесть «Республику Южного креста» символиста В.Я. Брюсова (1903 год). Автор раскрывает перед читателем картину недалекого будущего: на Южном полюсе, куда была вынесена вся промышленность, сорок лет существует новое государство – Республика Южного креста. На первый взгляд оно кажется справедливым, однако впоследствии автор поясняет, что гражданскими правами наделены только рабочие, а за маской всеобщего равенства скрывается диктатура пролетариата, коррупция и подавление человеческих свобод. В Республике регламентировано расписание дня, каждый житель имеет типовую одежду и не выделяется среди остальных. С тоталитарным политическим устройством соседствует развитая наука.

Иным проявлением адаптации к неконтролируемому прогрессу стало распространение «подпольной» революционной контркультуры.³⁷ Последняя, сформировавшаяся еще в конце XIX-го столетия, изначально базировалась на прогрессистской историософской модели, позволяющей своим носителям ощущать себя «авангардом» происходящих изменений, соотносить свой личный опыт с ходом истории. «На Германию коммунисты обращают главное своё внимание потому, что она находится накануне буржуазной

³⁵ Попов Д.А. Авангард как «Научное» исследование искусства // Известия Саратовского Университета. Философия. Психология. Педагогика. 2015. №1. С. 59.

³⁶ Шахматова Е.В. Мифотворчество Серебряного века // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2009. № 322. С. 82.

³⁷ Деменцева А.И. Образ будущего в философских течениях конца XIX и XX века // Вестник науки Сибири. 2012. № 1. С. 217.

революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях»,³⁸ – прогнозировал Маркс в «Манифесте Коммунистической партии», мобилизуя немецких социал-демократов.

В начале XX столетия В.И. Ленину удалось аналогичным образом переместить «центр революционных ожиданий» в Россию: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны». ³⁹ Преимущественно общинный характер общественных отношений, сохранявшийся даже в немногочисленной пролетарской среде, вопреки скептицизму современников, соответствовал глубинному смыслу марксистско-ленинской идеологии, поскольку та призывала к «промышленной контрреволюции», обещающей все достижения техники через возврат к архаическим социальным ценностям.⁴⁰

Интересно отметить, что многие предвоенные прогностические идеи, высказываемые в большевистской среде, не были восприняты положительно даже внутри самой партии. Предвоенные «богостроительные» труды Богданова, Базарова и Луначарского не были восприняты партией, поскольку «отвлекали» от тактической борьбы, а единственным действительно подробным описанием большевистской утопии оставалась работа В.И. Ленина «Государство и революция».

На фоне революционных событий 1905 года и последующего нарастания политических противоречий, разнообразные проекты будущего мироустройства активно тиражировались представителями и других общественно-политических сил – от анархистов до эсеров.⁴¹

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Собр. соч.: В 20 т. М., 2014. Т. 4. С. 502.

³⁹ Ленин В.И. Что делать? // Собр. соч.: В 31 т. М., 1963. Т.6.С.28.

⁴⁰ Заостровцев А. Концептуальные альтернативы теории модернизации: российские концепции – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. - С. 11.

⁴¹ Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избранные произведения / Сост. Я.И. Кузьминов. М.: Республика, 1994. 416 с.

Идея саморегуляции общества, весьма популярная в этот период, находила поддержку среди не только политических мыслителей, но и деятелей искусства. Так, Л.Н. Толстой в своем труде «Закон насилия и закон любви» (1908 год), предполагал, что со временем люди прекратят принимать участие в государственной жизни, перейдя к стихийному регулированию общественных отношений. Современные исследователи сходятся во мнении, что именно в этот период социалистический идеал широко утвердился в качестве образа желаемого будущего.⁴²

В 1901 году вышла книга П.П. Инфантьева «На другой планете», повествующая о путешествии на Марс. Сам прием – перенос действия на другую планету – может рассматриваться в данном контексте как прогноз: во вступлении автор указывает, что всегда верил в то, что в скором времени на соседних планетах обнаружат жизнь. Инфантьев демонстрирует преимущества социалистического государственного устройства на примере его марсианской модели: упоминаются карточная система, всеобщее равенство и технологические достижения (дома под водой и фонографы, усиливающие звук).

Схожий характер «мобилизационного прогноза» имеет рассказ А.И. Куприна «Королевский парк» (1911 год), который описывает воображаемые реалии XXVI столетия. Автор повествует о том, что все расы на Земле смешались: люди стали здоровыми и стойкими метисами, а еще с середины XX столетия прекратились все войны. Климат на планете находится под полным контролем, благодаря технике люди работают всего четыре часа в день, уничтожены тюрьмы и отменены наказания. Короли, свергнутые, но оставленные жить (в этом Куприн видит высокую нравственную чистоту революции), помещены в специальный дом в центре парка, где являются экспонатами, памятниками своего времени. Повесть заканчивается тем, что

⁴²Желтикова И.В. Перспективы России сквозь призму образов будущего рубежа XIX–XX веков // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Орел, 2012. №5. С. 86.

один из этих упрямых старцев признает преимущества нового мира и отказывается от своего прошлого.

Продолжает тему политических утопий книга «первой леди научной-фантастики» В.И. Крыжановской «На соседней планете», повествующая о землянине, случайно попавшем на Марс. Главный герой знакомится с государственным устройством марсиан, у которых общей идеей является равенство, хотя классовый характер общества сохранен. Путешественник видит и технологические достижения марсиан (экипажи на электрической тяге, подводные плантации, электрификация улиц и вечные фонари).

Небольшая зарисовка А.И. Куприна «Тост» (1906 год) описывает мир будущего в 2906 году по старому христианскому летоисчислению, который, опять же, предстает как мир всеобщего счастья, труда и свободы. Из повествования мы узнаем, что последняя страна, «упрямая Германия», решила расстаться с национальной самобытностью и присоединилась к мировому анархическому союзу свободных людей уже два столетия назад.

Схожее восприятие будущего демонстрирует и А.А. Богданов. В 1908 году выходит его роман «Красная звезда», а в 1913 году – продолжение под названием «Инженер Мэнни». Обе книги, как и в случае Инфантьева, стали изложением социал-демократических взглядов автора. Помимо «политического» прогноза в романе можно встретить развернутое описание технологий, который годы спустя станут реальностью: пластический грим, автопилотируемый корабль, искусственные волокна и т.д.

Особого внимания заслуживает «мальтузианская» тема истощения ресурсов в высокоразвитом государстве, описываемом Богдановым. В упомянутом произведении А.И. Куприна «Тост», автор также уделяет внимание альтернативному источнику энергии, который видит в магнитном поле Земли. В мире утопии оно заменило собой использование истощенных запасов каменного угля и предотвратило загрязнение воздуха).

Как уже было указано, значительная часть интеллигенции относилась к индустриальным прогнозам настороженно. Сформировался целый корпус

«предостерегающих» текстов, в числе которых появившееся в 1913 году утопическое произведение А.И. Куприна «Жидкое солнце», где автор фантазирует о создании альтернативного источника солнца и тепла, взамен угасающего светила. Там, устами одного из героев (пожилого ученого), Куприн старается донести до читателя предостережение об опасности использования научных изобретений в антигуманных целях.

«Грядущая борьба» А. Оссендовского вышла в печать перед самой войной – в 1914 году. В мире будущего, который родился после глобального катаклизма, европейская цивилизация уничтожила азиатскую, планетой правят промышленные короли, а под землей в невыносимых условиях трудятся миллионы поработанных людей. Трудящихся мотивируют к труду самими ужасными методами – от газовых камер до расплавленного металла, выливающегося на провинившегося рабочего. При этом, заработав достаточное количество золота, рабочий получает право подниматься с самых нижних ярусов выше и выше, вплоть до выхода на поверхность земли, где переходит в разряд «свободных».

Достижения науки играют в данном образе будущего важную роль: с одной стороны они стали во многом причиной порабощения и карательным инструментом, давшим в неправильные руки биохимическое оружие, с другой – именно благодаря науке русские ученые-инженеры устраивают революцию, свергающую жестокий эксплуататорский режим.

Таким образом, мы не можем говорить о едином историческом сознании российского общества, поскольку различные социальные группы находились на разных стадиях перехода от традиционного общества к индустриальному. Городские сообщества, непосредственно столкнувшиеся с проявлениями научно-техническим прогресса, сформировали наиболее развитые образы будущего, в котором либо положительно восприняли процесс индустриализации (как в технической, так и в социальной сферах), либо отринули его. Подчеркнем, что противники утопистов (в т.ч. Бердяев, Соловьев, Франк) противостояли не конкретным левым чаяниям, а

прогрессирующему индустриализму. «Империализм и социализм одинаково цивилизация, а не культура. Философия, искусство существуют лишь в культуре, в цивилизации они невозможны и не нужны. В цивилизации возможно и нужно лишь инженерное искусство», – отмечал в этой связи Н.А. Бердяев.⁴³

Урбанизация и утверждение идей общественной самоорганизации на протяжении всего периода оставались наиболее значимыми сюжетами отечественной фантастики. Кроме того, пользовались популярностью сюжеты, связанные с новыми источниками энергии и освоением космического пространства. В литературе над научной фантастикой превалировал жанр социальной утопии, сопряженный с ожиданиями значительных трансформаций общественного устройства.

§ 2. Образ будущего в послереволюционный период

В новой структуре исторического сознания, предложенного большевиками, Октябрьская революция позиционировалась как некая точка отсчета, знаменовавшая перемещение «оси времени» в Советскую Россию. На III Всероссийском Съезде Советов в январе 1918 года было объявлено о «полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации».⁴⁴

Новая программа РКП(б), принятая VIII съездом партии 18-23 марта 1919 года, провозгласила начало эры «всемирной пролетарской, коммунистической революции».⁴⁵ Началось превращение страны в площадку масштабного социокультурного эксперимента по радикальному

⁴³Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и закат Европы. М., 1922. С. 64.

⁴⁴ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа / Сайт конституции Российской Федерации [Электронный ресурс], - URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5320/> (дата обращения: 13.03.2017).

⁴⁵ Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков) [Электронный ресурс], - URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/duverge.htm> (дата обращения: 10.05.2017).

утверждению ценностей Просвещения, таких как рационализм, прогрессизм и секуляризм.⁴⁶

Еще в мае 1917 года в публицистике прозвучало понятие «культурная революция», позднее утвердившееся в политическом лексиконе благодаря В.И. Ленину (оно определялось вождем пролетариата как «целая полоса культурного развития всей народной массы»)⁴⁷ «Великий пролетарский класс обновит постепенно культуру сверху донизу. Он выработает свой величественный стиль, который скажется во всех областях искусства, он вложит в него совершенно новую душу, пролетариат видоизменит также самую структуру науки», – утверждал один из идеологов этой масштабной программы, нарком просвещения А.В. Луначарский.⁴⁸

А.Я. Лившин отмечал неустойчивость общественных настроений на протяжении всей первой половины 1920-х годов. При переходе к НЭПу на X съезде РКП(б), в массовом продолжали усиливаться прагматические элементы сознания, стимулирующие протестные настроения, основанные на несоответствии абстрактных представлений о социальном идеале и реалий советской жизни.⁴⁹

После разгрома Тухачевского под Варшавой и краха советских республик в Германии, реальная перспектива «мировой революции» существенно отдалилась во времени, тогда как образ «светлого будущего» продолжал успешно эксплуатироваться советскими пропагандистами.

Носителем футуристического сознания по-прежнему оставалось меньшинство образованного городского населения. Культ урбанизма в

⁴⁶ Пермякова А. А. Конструирование будущего в XX веке как социокультурное явление (на примере художественной и политической мысли) // Материалы XVII международной апрельской конференции по проблемам развития экономики и общества [Электронный ресурс], - URL: <https://conf.hse.ru/2016/program> (дата обращения: 8.03.2017).

⁴⁷ Ленин В.И. О кооперации // Собр. соч.: В 55 т. М.,1958. Т. 45.С.372.

⁴⁸ Симонова О.А. К. С. Малевич и А. В. Луначарский: полемика в искусстве и культурная политика страны Советов в 1917-1935 годах // Вестник РХГА. 2011. №2. С. 232.

⁴⁹ Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России 1917-1929 гг.: Автореф. ... дис. докт. ист. наук: 10.11.04. / Московский гос. ун-т.им. М.В. Ломоносова. – М., 2004. – 460 с.

послереволюционной фантастике («Стране Гонгури» В. Итина или «Грядущем мире: 1923-2123» Я.М. Окунева), во многом объясняется этим фактом. Единственным исключением из «урбанистической» традиции утопистов стала вышедшая в 1920 году книга А.В. Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». В описываемом там будущем Правительство России принимает постановление о ликвидации всех крупных городов, в том числе и реорганизации Москвы. Однако природе снова не остается места: страна превращается в огромный парк.

Произведение Чаянова возникла в период острого кризиса военного коммунизма и, по отдельным свидетельствам, было одобрено лично В.И. Лениным. Описываемое будущее – идеал, отталкивающийся от реалий суровой действительности. Подробно описаны отношения города и деревни, мягкая и продуманная налоговая политика, предполагавшая взимание налога лишь с предметов роскоши, а также примерное равенство доходов.

Специальные общественные организации способствуют раскрытию потенциала каждого гражданина. Новые виды спорта привлекали огромное количество зрителей. Уникальной чертой, которую невозможно будет встретить в более поздних утопиях советского периода, стало описание памятника революции, каким его видел Чаянов: на гигантской колонне из пушечных жерл находились три бронзовые фигуры: Ленин, Керенский и Миллюков. Кроме того, в мире Чаянова идея создания мирового государства пролетариата оказалась несбыточной, а послевоенное мироустройство сформировано на базе пяти замкнутых народнохозяйственных систем (автор описывает немецкую, англо-французскую, американо-австралийскую, японо-китайскую и русскую). Последняя глава повествует о нападении Германии на Российскую крестьянскую республику, которая сначала не оказала сопротивления, заманив противника вглубь страны, а затем смела вражескую армию при помощи климатического оружия. Нетрудно заметить здесь аллюзии на современную автору интервенцию.

В 1923 году из-под пера Я.М. Окунева выходит роман «Грядущий мир: 1923-2123», где описывается утопическая Всемирная Коммуна Стерн. Органов власти в «Грядущем мире» нет: их заменяет статистическое бюро всемирной коммуны в Париже, куда стекается экономическая информация и откуда распределяются ресурсы. Нет в новом мире и профессий, специальностей. Жители будущего определяют род деятельности «по свободному выбору», причем автор здесь невольно цитирует классика: «общество создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра - другое...».⁵⁰ Очевидно, что так в революционном сознании воспринимается проблема (не осознаваемая, при этом, как проблема) охватившего советское общество дилетантизма. Непроизводительно малая продолжительность рабочего дня, характерная, впрочем, для большинства утопий, свидетельствует также о том, что труд, вопреки декларации его самоценности, подспудно воспринимается авторами-социалистами как наказание.

Разительно отличается от восторженных произведений начала 1920-х сатирическая пьеса В.В. Маяковского «Клоп». Часть действия в ней происходит в 1929 году, вторая часть – через пятьдесят лет, 12 мая 1979 года.⁵¹ В государстве будущего усовершенствована система голосования – жители высказывают свое мнение с помощью специальных механических рук. Труд механизирован, люди стали сильнее и здоровее, продолжительность жизни достигает ста лет. Из объявления «института человеческих воскрешений» мы узнаем, что после всех мировых и гражданских войн, создавших федерацию земли, с 7 ноября 1965 года жизнь человека была признана неприкосновенной. Впрочем, автор завершает пьесу заверением, что люди остались все те же, по-прежнему боятся неизведанного, все также могут быть несправедливы.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Собр соч.: В 50 т. М., 1955. Т.3. С.32.

⁵¹ Маяковский В.В. Клоп // Собр. соч.: В 2. М., 1988. Т.2. С. 571.

Интересную трактовку образа будущего дает нам более «демократичный», нежели литература, плакатный жанр. Н.А. Володина и Э.В. Алехин выделили несколько групп послереволюционных плакатов, ориентированных на преодоление стоящих перед обществом проблем. Борьба с неграмотностью и пьянством, пропаганда личной и общественной гигиены подавались в прогностическом контексте: подчеркивался тот факт, что не только для пьющего человека, но и для его детей «светлое будущее» недостижимо.⁵² Отдельно можно выделить плакаты, визуализирующих сам притягательный образ будущего. Таковы работы С.И. Иванова «Пролетарии России разорвали цепи рабства, вдохновляющая их идея коммунизма завоевала мир!» и Ю.И. Пименова «Мы строим социализм» (Приложение 2).

В процессе формирования массового сознания и одновременного внедрения в него базовых постулатов марксизма, к работе привлекалась и прежняя интеллигенция. Продолжала расти популярность русских космистов второго поколения, таких как А.И. Чижевский, К.Э. Циолковский и др. В среде писателей-«попутчиков», характеризующейся неприятием происходящих изменений, ведущих к установлению тоталитаризма, стали возникать первые антисоветские прогнозы, не имеющие, впрочем, мобилизационного характера (т.к. их аудитория, по понятным причинам цензуры, была незначительна).

Одно из наиболее известных произведений подобного рода – социальная антиутопия «Мы», опубликованная Е.И. Замятиным в 1921 году. Роман, критикующий индустриально-тоталитарное общество, был задуман автором еще в Великобритании, а завершен уже в Советской России. Перед читателем разворачивается картина альтернативного будущего, где вся жизнь человека унифицирована и подчинена «Великой Часовой скрижали». В описываемом мире формально отсутствует институт семьи, а вместо имен

⁵²Володина Н.А., Алехин Э.В. Советский плакат в системе большевистской пропаганды: образ будущего (1917-1941) // Теория и практика общественного развития. 2015. №21. С. 180.

давно используются номера. Процветает доносительство, которое воспринимается как долг каждого гражданина.

В мире Замятина интересно проработан образ вождя, которому в первую очередь уготована функция символизации социальной и политической действительности, а лишь во вторую – функция реального управления.⁵³ Умело используя метафору, автор предвещает появление культа личности, высказывает опасения о возможном будущем индустриально-капиталистической и социалистической систем.

В 1925 году М.А. Булгаков опубликовал сатирическую повесть о послереволюционной действительности «Роковые яйца», переносящую читателя в 1928 год, в Москву, где уже решен жилищный вопрос, так мучивший жителей в 1919-1925 годах. Писатель сумел выразить предчувствия масштабной социальной катастрофы, вызванной неумелыми руками экспериментаторов. В частности, в «красном луче» можно увидеть образ грядущей политики насильственной коллективизации.

Образ будущего, конструируемый литераторами в послереволюционный период, независимо от их идеологических позиций, представлял собой острую критику современности. Активно продолжали освещаться перспективы индустриализма и урбанизма, гораздо меньшее внимание, чем прежде, уделялось научно-техническому прогрессу.

Напуганные хаосом Гражданской войны и последующей анархией провластные утописты старательно убирали из своих прогнозов любые проявления «непорядка». Единообразие и обезличенность персонажей вымышленных миров демонстрировали попытку идеологов скрыться от самой человеческой природы, в реальности опровергавшей исходные идеологические постулаты. Характерно выразил эту мысль пролетарский

⁵³Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск, 2009. С. 159.

литературовед А. Курелла: психологизм в литературе, по его мнению, попросту контрреволюционен.⁵⁴

Неудовлетворенность «безупречным» коммунистическим будущим, заставляла «исключенные» социальные группы прибегнуть к жанру антиутопии, впервые обращенной против самого социалистического идеала (как известно, «с эстетической точки зрения нет концепции более скучной и бесцветной, чем вечное блаженство»⁵⁵).

Утопические проекты, рисовавшие образ светлого будущего, вторили социалистическим утопиям прошлого столетия, а антиутописты обращали внимание на невозможность индивидуального счастья в строго регламентированном обществе.

§ 3. Образ будущего в довоенный период

Укрепление позиций государства в идейной сфере и усиление внутрипартийной борьбы привели к постепенному сворачиванию политики плюрализма в культурной сфере. В 1927 году критик И.Л. Маца прямо заявил, что если революционный писатель не достаточно разбирается в окружающей его действительности или субъективно находится в жестком противоречии с сознательно принятой им идеологией, то он берется за изображение кассовой борьбы в фантастической или утопической форме.⁵⁶

В том же году XV съезд ВКП (б) принял Директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Переход к плановому хозяйству во многом «десакрализировал» будущее, сделав его осязаемым и измеримым. Вместо прежнего проекта глобального переустройства в массовое сознание были вброшены обособленные образы «Великих строек» (в 1930 году выходит роман Беляева «Подводные земледельцы», от которого берет начало популярная в 1940-х фантастика

⁵⁴Цит. по:Ревич В. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М., 1998. С. 250.

⁵⁵Цит. по: Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы: Пер. с разн. яз. / Под ред. В.А. Чаликовой. М., 1991.С.8.

⁵⁶Маца И.Л. Литература и пролетариат на Западе. М., 1927. С. 54.

«ближнего прицела», заточенная под локальные «производственные» сюжеты).

Полностью лишена искреннего пафоса одна из последних утопических повестей «Следующий мир» Э. Зеликовича. По ее сюжету британский математик Брукс открывает «четвертое измерение» и попадает на высокоразвитую планету Айю, где утвердился коммунистический строй. Вскоре Брукс, осознав все его преимущества, принимает решение вступить в коммунистическую партию. Художественная слабость произведения наглядно предстает при сравнении данного текста с написанной в том же году антиутопией А.П. Платонова «Котлован» (долгое время не была опубликована), выигрывающей по глубине и качеству проработки проблемы социалистического строительства.

В 1931 году Я. Ларри публикует еще одну «соцреалистическую» утопию – «Страну счастливых». Предчувствуя, скорое объявление о том, что «социализм в отдельно взятой стране» уже построен, он сократил сроки реализации утопии пяти пятилеток. Ключевая особенность Страны счастливых – непреходящий трудовой энтузиазм ее жителей (аллюзия на практику социалистических соревнований, возникшую в 1929 году). Кроме того, любое событие вызывает у них бурю положительных эмоций. Предрекая план преобразования природы, Ларри рассекает Волгу плотиной, роет канал Волго-Дон и превращает Аральское море в озеро.

В 1934 году на Первом съезде писателей СССР, созванном в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года, был создан Союз писателей СССР, заменивший ранее существовавшие творческие объединения литераторов. Утверждение соцреализма предполагало полное исключение утопии из перечня литературных жанров. Выступавший на съезде И. Эренбург подчеркнул, что «великое настоящее» отныне утопическим будущим и является. Характерным примером «будущего в настоящем» видится брошюра К. Радека «Зодчий социалистического общества», где события 1967 года – пятидесятилетнего

юбилея Октябрьской революции, описываются как происходящие в современный автору момент: «На мавзолее Ленина, окруженный своими ближайшими сторонниками - Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Калининим, Орджоникидзе, стоял Сталин в серой солдатской шинели».

На место утопизма приходит научная фантастика, лишенная какого-либо социально-философского содержания. Упорно подчеркивая противоречия между советским и капиталистическим обществами, А.Р. Беляев неубедителен: его антагонисты действуют алогично (см. «Продавец воздуха»), а описываемые государства, включая Советский Союз, предстают безжизненной (зато идеологически безопасной) декорацией.

Предельную искаженность общественного сознания демонстрирует повесть А.Р. Беляева «Лаборатория Дубль-вз» (1938 год), которая полностью копирует роман «Мы» Замятина, описывая насильственное применение электрогипноза с целью «переубедить» несговорчивого члена коллектива. Другое дело, что вместо естественного осуждения этой процедуры, автор рассматривает ее как результативный способ внушения. Излеченный герой искренне благодарит своих «спасителей».

После разгрома школы М.Н. Покровского, «классовая борьба» окончательно перестала трактоваться как социально-экономический процесс и предстала в виде прежней событийной (или, как тогда говорили, «гражданской») истории, эмоционально влияющей на массы. Мифологемы прошлого усваивались быстрее, чем «мобилизующие» прогнозы, а последствия их рецепции обществом были заметно более предсказуемыми, поэтому легитимация через прошлое, отвергнутая сразу после Октября, незаметно вернулась в идеологический репертуар власти.

Кроме того, к концу 1930-х годов значительная часть наук, являвшихся лидерами по производству прогнозов (в частности, генетика и социология) были объявлены «политическими». Характерно, что в этот период ряд футурологов (включая А.Р. Беляева), вероятно, испытывая ощущение неудовлетворенности от своего творчества, стали сами обращаться к ученым

и общественным деятелям с просьбой указать им на конкретные конфликты, которые могут существовать в будущем коммунистическом обществе.

В середине 1930-х годов возникает еще один жанр прогностической литературы, обозначивший усиление тревог, связанных с перспективой большой европейской войны. В отдельных главах романа «Дорога на океан» (1936 год), Л. Леонов описывает грядущий многолетний международный конфликт, в котором человечество уничтожает себя химическим и бактериологическим оружием.

В том же году П. Павленко пишет роман «На Востоке», где обрисовывает перспективу быстрой победы СССР над Японией. Некоторое время спустя Н.Шпанов публикует еще одну книгу о будущей войне – «Первый удар» (1939 год), разошедшуюся по стране огромными тиражами. Ее герои – летчики скоростных бомбардировщиков дальнего действия, дающие незамедлительный отпор немецким захватчикам. Основные бои разворачиваются на территории Германии, после чего немецкие коммунисты свергают нацистский режим.

§ 4. Образ будущего в послевоенный период

Победа в Великой Отечественной войне и последовавший вскоре виток научно-технической революции ненадолго вернули «ось времени» в СССР. Количество работ, посвященных прогнозированию и футурологии, в те годы стремительно росло.⁵⁷ Постепенное улучшение социально-бытовых условий и космические достижения трансформировали прежнюю структуру исторического сознания: оптимистичная вера в будущее стала характерной чертой интеллектуальной культуры «шестидесятников». А.Г. Аллахвердян и Н.С. Агамова отмечают, что самые популярные специальности среди школьников 1960-х годов были связаны с будущим.⁵⁸ Неуклонно, в силу

⁵⁷ Шакирова Е.Ю. Возможно ли прогнозирование будущего? // Известия Саратовского Университета. Философия. Психология. Педагогика. 2015. № 2. С. 17.

⁵⁸ Аллахвердян А.Г., Агамова Н.С. Образ советской и постсоветской науки: взлеты и спады (по данным статистических и социологических источников) // Образы будущего России: желаемое - возможное - необходимое. М., 2016. С. 58.

особенностей советской системы образования, росло число научных работников, технической интеллигенции.

Полет первого человека в космос ниспроверг долгое время господствующую «фантастику ближнего прицела», утверждавшую приоритет «вечного настоящего». «Травматическое» прошлое, озаменованное войной, уступило место новым, прежде неизвестным общественному сознанию вопросам: демографическим изменениям, увеличению информационных потоков, геополитической конфронтации мировых держав, экологическим проблемам, и, наконец, трансформации самого человека, его ценностей и представлений.⁵⁹

Изменение политического сознания позволило существенно отодвинуть горизонт планирования, сконцентрировав внимание на отдаленных перспективах. 31 октября 1961 года Н.С. Хрущев, выступая на XXII съезде партии с докладом по проекту III Программы КПСС, заявил: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».⁶⁰ В документе, который был принят делегатами съезда, указывался и срок завершения «развернутого строительства коммунизма» - 20 лет. В 1963 году Приказом Министра высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютина «Научный коммунизм» был введен в вузах СССР как учебный предмет. Легитимация прогнозов через авторитет «научного» знания должна была усилить их мобилизующий и легитимирующий потенциал.

В те годы в советской фантастике появляются произведения А.Н. и Б.Н. Стругацких, возвращающие в общественное сознание обновленные элементы социалистической утопии (наиболее ярко – в произведениях «Стажеры», «Далекая радуга» и «Полдень. XXII век»)⁶¹ Стругацких, по уверению О.В. Шестопалова, печатали достаточно много и охотно, хотя

⁵⁹Арефьева Н.Т. Прогнозирование и его социокультурные цели // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4. [Электронный ресурс] - URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Arefieva/>

⁶⁰ XXII съезд коммунистической партии советского союза. 17-31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М., 1962. С. 227.

⁶¹Ревич В. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М., 1998. С. 254.

образ будущего, который создавался в этот период их творчества, был неполон и фрагментарен.

В 1959 году из-под пера Стругацких выходит повесть «Страна багровых туч», где описывается коммунистическое общество Земли, жители которого давно освоили и покорили космос, открыли жизнь на Марсе, исследуют бескрайние просторы космического пространства. Люди будущего – ученые и исследователи, не чуждые при этом понятных читателю человеческих проблем. Произведение полностью концентрируется на идее научно-технического прогресса, в те годы витающую в воздухе.

Утопическая повесть «Полдень, XXII век» была опубликована несколько позднее – в 1961 году. Уровень благосостояния и научно-техническая мощь землян значительно возросли, планета благоустроена, нет стихийных бедствий, катастроф и проблемы недостатка ресурсов. Все население Земли – коммунисты. По словам самого Б. Стругацкого, в мире произведения «Полдень. XXII век» они пытались представить себе образ коммунистической планеты, вдохновленные выходом романа «Туманность Андромеды».⁶²

И.А. Ефремов, чьи произведения в описываемый период также легли в основу массовых представлений о будущем, предпринял две попытки вернуть жанр социальной утопии в советскую литературу. В 1957 году был опубликован роман «Туманность Андромеды», где Земля будущего предстала единой, развитой и благоустроенной.

Полюса планеты обогревают искусственные солнца, освоен космос, решены насущные проблемы человечества. Успехи в науке достигнуты благодаря высокому уровню развития коммунистического общества, представитель которого мог стать для советского читателя нравственным ориентиром: умный и мотивированный исследователь, развитый физически и духовно. Безразличие и утрата интереса к жизни для людей будущего – признак настоящей болезни.

⁶²Ревич В. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М., 1998. С. 256.

Важные вопросы решались в утопическом обществе Ефремова всеобщим голосованием. Экономика позволяла получать максимум пользы и удовольствия от труда, школа давала ученикам практические навыки. Отмечалась важность многопрофильности: за свою жизнь человек может получить несколько высших образований. В мире будущего практически стерлись различия между расами, земляне стали единым народом и говорят на общем языке. При этом развита генетика, продолжительность жизни возросла почти вдвое и превышает сто лет.

Важнейшей новацией, демонстрирующей коренное отличие от прежних утопий, стало специально предусмотренное место, где люди, не желающие жить в новом мире, могли существовать по старому укладу.

Отметим, что образ будущего, созданный в период «оттепели», отличается принципиальным гуманизмом. «Новый человек» в большинстве произведений крайне негативно относится к войне, не понимает смысла в насилии и кровопролитии. Осознание ценности каждой жизни воспринимается как неотъемлемый атрибут развитого сознания.

В конце 1960-х завершение непродолжительного периода футурологического «ренессанса» обозначило возврат к довоенному типу исторического сознания. Возрождение коммеморативных ритуалов победы в Великой Отечественной войне, осуществленное в 1965 году, вновь утвердило прошлое в качестве основного источника легитимации власти.

Вместе с постепенным экономическим отставанием и наметившимися центробежными тенденциями в социалистическом блоке, роль «мобилизующих» прогнозов неуклонно снижалась. В обществе копилось недовольство, как реакция на отсутствие качественных изменений: очевидное социальное неравенство, противопоставленное декларированию обратного, очевидная неисполнимость властных обещаний. Постепенно вера в возможность достижения обещанного «светлого будущего» разрушалась. Чтобы противодействовать критической оценке, высказываемой частью общества, касавшейся настоящего и будущего страны, сверху навязывались

настроения застоя и пассивности, провозглашавшие достаточность благ в настоящем.⁶³

Роман «Час быка» И.А. Ефремова, написанный в знаковом 1968 году, достаточно быстро изъяли из публичного доступа. Сюжет произведения был связан с выдуманной планетой Торманс, в которой, несмотря на опровержения самого автора, многие увидели образ брежневского СССР.

Описываемое Ефремовым общество – классовое, расколотое взаимной ненавистью и презрением, однако разделенное по способностям: ценные ученые и творческие личности могут жить долго и в достатке, тогда как признанные неспособными к интеллектуальному труду заняты на тяжелой физической работе и являются потребителями пошлой массовой культуры. Срок их жизни строго регламентирован и обусловлен потребностями экономики. Постепенно это приводит к сокращению населения и опустению обширных территорий, где появляются маргинальные группы, враждебные тоталитарному обществу.

В 1965 году публикуется очередная научно-фантастическая повесть братьев Стругацких «Хищные вещи века». По сюжету, главный герой прибывает в маленький город, где для жителей установлена четырехдневная рабочая неделя и производится безвозмездная раздача книг и белья (причем книги популярностью не пользуются). У местных жителей полностью отсутствует интерес к памятникам – никто не знает, зачем и почему они установлены. Скука и изобилие города, где всего всем достаточно, заставляет людей будущего искать вредные и поглощающие их жизнь развлечения. При этом, город описывается как очень развитый: такси без шоферов, автоматические мусорщики, множество баров и кафе, кинотеатров и увеселительных парков. Пресыщенность жизнью толкает общество к эпидемии наркотиков (электрических), увлекающих людей в мир фантазий и отвлекающий от реальной, надоедающей им жизни. В антиутопии,

⁶³ Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб., 2002. С.229.

формально обращенной против капиталистических обществ, проглядывают характерные антисоветские черты.

«Обитаемый остров» братьев Стругацких (1969 год), продолжает поднимать ту же проблему, одновременно ставя перед обществом новые вопросы. На планете Саракш, где оказывается главный герой, существуют государства – осколки бывшей Империи, в одном из которых власть удерживает диктаторский режим, зомбирующий население благодаря специальным волнам. Маргинальные группировки, вместе с главным героем, прибывшим с гораздо более развитой Земли, стараются избавить общество от поработавших их приборов. В финале же выясняется, что Земная служба Галактической безопасности уже давно следит за ситуацией на планете, не вмешиваясь в происходящее, дабы не ухудшить ситуацию.

В середине 1980-х годов в советском историческом сознании произошел очередной всплеск интереса к будущему. Перестройка (1985 - 1991 годов), начатая Н.С. Горбачевым с целью спасения социалистической утопии путем ее «возврата к реальности» и идеологического обновления (лозунг 1989 года – «социализм с человеческим лицом»), вскоре увязла в политических спорах.

Заявленные в очередной редакции программы КПСС перспективы «ускорения» социально-экономического развития базировались на прежней вере масс в научно-технический прогресс, однако не оправдали ее. Перед распадом СССР общественные настроения характеризовались как неустойчивые, ввиду разрушения политических институтов, носящих функцию стабилизаторов общества.⁶⁴ Для социальной группы, ожидавшей резкого качественного скачка, который был бы способен реализовать все накопившиеся притязания, достигнутые результаты показались незначительными. Сторонники охранительных взглядов боялись потерять

⁶⁴Ольшанский Д.В. Массовые настроения в современной политике // Моя газета. М., 1996. №29, 13 ноября.

последние блага в погоне за иллюзиями.⁶⁵ Не смотря на попытки справиться с недовольством в обществе, противоречия только нарастали, а расслоение усиливалось. Попытки объединить лучшие принципы плановой и рыночной систем завершились неудачей на фоне деградации всех сфер общественной жизни. Социализм потерпел крах, от него остались лишь быстро деформирующиеся рудименты.⁶⁶

В литературе тех лет господствуют апокалипсические мотивы, отражающие глубоко переживаемую обществом культурную травму. Эта тенденция не обходит стороной и творчество ранее рассматриваемых братьев Стругацких. В 1988 году выходит их роман «Отягощенные злом, или сорок лет спустя», где одна из сюжетных линий относится к 2030-м годам. В антиутопичном будущем описывается бытование группы маргиналов – «фловеров», людей с низкими потребностями, пассивным характером и отреченностью от общественной жизни.

Близко родство позднесоветской утопии с самиздатской литературой 1960-80-х годов. Характерен в этой связи постмодернистский роман Стругацких «Град обреченный», опубликованный в 1989 году. Его сюжет связан с неким непонятным вневременным экспериментом, собравшим самых разных людей искусственно сформированном городе. Одной из важнейших задач романа авторы видели демонстрацию того, как под влиянием различных обстоятельств герой «переходит с позиций твердокаменного фанатика в состояние человека, словно бы повисшего в безвоздушном идеологическом пространстве, без какой-либо опоры под ногами».⁶⁷

После «Невозвращенца» А.А. Кабакова (1989 год), предсказавшего распад СССР, девальвацию нравственных ценностей, голод, безнаказанность

⁶⁵ Ольшанский Д.В. Массовые настроения в современной политике // Моя газета. М., 1996. №29, 13 ноября.

⁶⁶ Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А. Социальное прогнозирование. М., 2002. С. 154.

⁶⁷ Стругацкий Б. Комментарий к пройденному. Град обреченный // Аркадий и Борис Стругацкие. Официальный сайт. [Электронный ресурс] - URL: <http://www.rusf.ru/abs/books/bns-07.htm> (дата обращения: 6.03.2017).

и разброд, целый ряд авторов обратился к конструированию образа будущего по западному канону «повествований-катастроф» (В. Рыбаков, А. Курчаткин, Л. Петрушевская и др.).⁶⁸

⁶⁸Геллер Л., Никке М. Утопия в России. СПб., 2003. С. 238.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прежде чем подвести итоги работы, необходимо отметить, что постоянные социальные трансформации, многообразие и разнородность социальных групп, включенных в советское общество, а также объективные ограничения, накладываемые выбранной методологией, позволяют нам обрисовать лишь общие тенденции развития исторического сознания.

Мы сознательно отошли от рассмотрения дореволюционных суждений о будущих геополитических изменениях в публицистических текстах панславистов и евразийцев, сознательно не были затронуты размышления о будущем в диссидентской литературе (А. Синявский, Ю. Даниэль, А. Солженицын, А. Амальрик и др.), так как фокус нашего внимания был помещен на художественные тексты. Темой отдельного исследования могут стать «письма во власть», раскрывающие проблему принятия (или непринятия) обществом господствующего идеологического дискурса.

Очевидно, что данное исследование – лишь одна из попыток осмыслить поставленные вопросы, решить которые ещё предстоит.

Рассматривая образ будущего, как неотъемлемый элемент исторического сознания, мы соотносим его с определенной социальной группой, проблемами и чаяниями ее носителей. Представляя собой социальный конструкт, образ будущего формируется в процессе коммуникации и представляет собой «общепризнанные» в конкретном сообществе ожидания. Принятие определенного образа будущего подразумевает принятие определенной идентичности.

Тесно связано с образом будущего и рассмотренное нами понятие прогноза. Прогнозирование, претерпев значительные трансформации в процессе исторического развития человечества, преодолело путь от мистических пророчеств до легитимированных наукой теорий, однако сохранило свой мощный мобилизационный потенциал. Формирование образа будущего – не только результат наблюдения за изменением социальных

условий, но и следствие борьбы за доминирование определенного видения в социальном пространстве.

Вера в исторический детерминизм и научно-технический прогресс, порожденные конкретно-историческими условиями Европы в XIX столетии, оказали чрезвычайно значительное влияние на образ будущего в доиндустриальной России, однако не следует распространять этот «футуристический бум» на все население страны, преимущественно крестьянское и сохраняющее традиционную общинную мифологию. Широкие народные массы будут объединены сколь-нибудь общим образом будущего лишь в середине XX века – с повышением уровня грамотности и урбанизированности всего населения.

Важнейшие «консенсус-прогнозы», объединяющие представителей отечественной интеллигенции из различных идеологических сред, - это всевозрастающее ожидание революционных изменений, предчувствие всепланетной урбанизации и механизации жизни, ощущение угрозы от научно-технического прогресса. Метафоризм и поэтичность образов в утопиях символистов демонстрирует нам общую атмосферу неопределенности и абстрактности ожиданий. Иные миры, прорисованные схематично, служили лишь ареной для ожидаемой социальной драмы, в полной мере занимавшей умы прогнозистов начала века.

В первые послереволюционные годы политическая элита быстро встретила с нереализуемостью идей создания «нового мира». Столкновение с социалистической утопией оттолкнуло от нее массы, чей горизонт планирования оставался очень узким. Культурная политика большевиков продолжала ориентироваться на городское население и интеллигенцию, которая испытала настоящий «бум будущего» в послереволюционный период.

Постепенное возвращение «сильного государства» значительно обогатило образ будущего рождением жанра тоталитарной антиутопии. Встреча с реализованной утопией в виде «военного коммунизма» позволило

формировать прогнозы более тщательно и продуманно. Морально-этические вопросы «завтрашнего дня», практически не поднимаемые утопистами до революции, стали предметом широкого осмысления (в условиях отсутствия, при этом, общественной дискуссии).

Сворачивание культурного, идеологического и политического плюрализма на рубеже 1920-1930-х годов обусловило острый кризис утопического сознания. Власть предприняла все возможные меры, чтобы остановить параллельный поиск социально-политических альтернатив. В латентной форме был возвращен культ героев прошлого (героев революционного движения, однако сути дела это не меняет), напрямую заявлено о завершенности процессов социалистического строительства. Образ будущего, который создавался для широких народных масс, входивших в информационное пространство благодаря политике культурной революции и индустриализации, должен был строиться вокруг конкретных технократических задач. Так возникла идеологема «Великих строек», а за ней и производственная фантастика «ближнего прицела» – суррогат прежних социалистических утопий.

Красной линией сквозь все утопические произведения сталинского периода проходит тема охватившего общество будущего энтузиазма. Он надрывен и неестественен, под конец 1930-х годов превращаясь в милитаризм. С горькой иронией звучат оценки этих «произведений» в литературе «шестидесятников» (например в романе К. Симонова «Живые и мертвые»).

После победы в Великой Отечественной войне и преодоления «культы личности» в страну вернулся исторический оптимизм, охвативший прежде немыслимое большинство ее населения. В гуманистической природе этого устремления к социальному процветанию – принципиальное отличие от радикальных утопий периода революции и Гражданской войны.

Впрочем, триумф идеализированного коммунистического «завтра» был очень краток даже в литературе. Параллельно с ранним творчеством

Стругацких и Ефремова активно развивался самиздат, иронизирующий в своих антиутопиях над советской действительностью и формировавший принципиально иной общественный идеал. Перестройка, предпринятая как попытка вернуться к «ленинским принципам», прошла в условиях сохраняющегося общественного недовольства. Несмотря на декларируемые властью лозунги, образ будущего формировали антиутопии и романы-катастрофы, прогнозирующие, как и ранее, до революции, смутно ощущаемый крах всего привычного мироустройства.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в период ослабления государственного контроля образ будущего конструируется многообразными акторами, стоящими на принципиально разных идеологических позициях, а в моменты укрепления власти нивелируется гипертрофированным значением прошлого и настоящего. Практически достигнутый в период «оттепели» консенсус относительно положительного образа будущего рассматривается нами как следствие уникального стечения исторических обстоятельств, что косвенно подтверждается непродолжительностью этого состояния.

Результатом дискурс-анализа наиболее влиятельных литературных произведений XX века, затрагивающих тему будущего, стала совокупность выявленных нами прогнозов (179), разделенных затем на три категории:

- «точные» (полностью сбылись в указанный автором срок);
- «частично сбывшиеся» (неточность в сроках);
- «несбывшиеся».

Из выделенной нами совокупности точными оказались 47% прогнозов, частично сбывшимися – 20%, а не сбывшимися – 33%.

Красной нитью через все прогнозы прошлого столетия проходит идея освоения космических пространств. Первоначально являясь лишь «сценой» для моделирования идеального общества, другие планеты вскоре стали рассматриваться как реально достижимая цель. К 1950-м годам процесс освоения космоса утвердился как один из неперенных элементов

утопического сознания. «Коммунистический рай», в свою очередь, переместился с соседних планет на Землю (см. «Мир полдня» у Стругацких), которая стала все чаще восприниматься как «общий дом» человечества.

Образ «нового человека», долгое время остававшийся в сфере внимания прогнозистов, также существенно трансформировался. На смену эмоционально пустым «нумерам» ранних советских утопий, находящихся в состоянии перманентной эйфории, в 1960-е приходит «новый человек» – исследователь, самодостаточный и свободный. Внимание утопистов начинает уделяться долголетию людей, их образованности и иным отражениям происходящей социальной революции.

Характерен и постепенный отказ от концепции «свободного труда». В противовес ранним советским утопиям, старательно стремившимся выместить труд из распорядка дня людей будущего, утопии периода «оттепели» подчеркивают принципиальную значимость труда в любом, даже футуристическом обществе (практика показала: развитие человечества приводит к появлению новых профессий, а не к освобождению от труда в принципе).

Отметим, что по мере приближения к современности, точность прогнозов повышается: для писателя первой половины XX столетия образ будущего казался столь отдаленным во времени, что прогнозам придавался скорее «метафорический» характер. Авторы более позднего периода, ощутив на себе всю мощь и скорость научно-технического прогресса, сознательно стремились к точности предвидений, уделяли внимание «техническим» деталям. Подчеркнем также большую прогностическую точность антиутопий, конструирующих образ будущего по «инерционному» сценарию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ:

1. Беляев А. Р. Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. Б. Ключевой, С. Митрохиной. - М.: Молодая гвардия, 1963. Т.1: Остров Погибших Кораблей. Голова профессора Доуэля. - 336 с.
2. Беляев А. Р. Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. Б. Ключевой, С. Митрохиной. - М.: Молодая гвардия, 1963. Т.2: Последний человек из Атлантиды. Продавец воздуха. Когда погаснет свет. - 384 с.
3. Беляев А. Р. Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. Б. Ключевой, С. Митрохиной. - М.: Молодая гвардия, 1963. Т.3: Человек-амфибия. Подводные земледельцы. - 384 с.
4. Беляев А. Р. Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. Б. Ключевой, С. Митрохиной. - М.: Молодая гвардия, 1963. Т.4: Властелин мира. Вечный хлеб. Человек, потерявший лицо. - 416 с.
5. Беляев А.Р. Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. Б. Ключевой, С. Митрохиной. - М.: Молодая гвардия, 1964. Т.6: Звезда КЭЦ. Лаборатория Дубльвэ. Чудесное око. - 464 с.
6. Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. -М.: ВЛАДОС, 1998. - 352 с.
7. Богданов А.А. Лавренев Б.А. Красная звезда. Крушение республики Итль. - М.: Правда, 1990. - 416 с.
8. Богданов А.А. Инженер Мэнни - Л.: Красная газета, 1929 - 140 с.
9. Брюсов В.Я. Республика Южного Креста. – М.: Книга по требованию, 2011. – 20 с.
- 10.Булгаков С.Н. Собр. соч.: В 2 т. - М.: Наука, 1993. Т.2. - 680 с.
- 11.Булгаков М.А. Собр. соч.: В 10 т. - М.: Голос, 1995. Т.2: Роковые яйца. - 384 с.
12. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа [Электронный ресурс] / Сайт конституции Российской Федерации, -

URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5320/> (дата обращения: 13.03.2017).

13. Ефремов И.А. Собр. соч.: В 5 т. - М.: Молодая гвардия, 1987. Т.3: Туманность Андромеды; Звёздные корабли; Сердце змеи; Пять картин. - 478 с.
14. Ефремов И.А. Час быка: Научно-фантастический роман. - Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. - 448 с.
15. Замятин Е.И. Собр. соч.: В 5 т. - М.: Русская книга, 1995. Т.2. - 400 с.
16. Инфантьев П.П. На другой планете // Помочь можно живым: Сборник фантастики / Сост. Л.Ю.Шувалов. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 407-480.
17. Итин В. Избранные произведения. -М., 2015. - 105 с.
18. Кабаков А.А. «Невозвращенец» / Международная ассоциация «Диалог культур». - М.: Московская типография №4 при госкомпечати СССР 1990. - 128 с.
19. Казанцев А.П. Купол Надежды: Роман-мечта в трёх книгах.- М.: Молодая гвардия, 1980.- 431 с.
20. Казанцев А.П. Пылающий остров. - М.: Молодая гвардия, 1983. - 544 с.
21. Казанцев А.П. Арктический мост. - М.: государственное издательство детской литературы министерства просвещения РСФСР, 1959. - 465 с.
22. Крыжановская В.И. На соседней планете. - Рига: Книгоиздательство Н. Гудкова, 1929. - 160 с.
23. Куприн А.И. Собр. соч.: В 10 т. - М.: Воскресенье, 2006. Т.5: Повести. Рассказы. Очерки. Апокрифы - 536 с.
24. Куприн А.И. Тост // Собр. соч.: В 9 т. М.: Художественная литература, 1971. Т.4. С. 219- 222.
25. Ларри Я. Страна счастливых: Публицистическая повесть. - Л.: Ленинградское областное издательство, 1931. - 192 с.
26. Леонов Л. Дорога на океан. - М.: Гослитиздат, 1954. - 552 с.
27. Маяковский В.В. Собр. соч.: В 2 т. / Под ред. В. Раковой. - М.: Правда,

1988. - 571 с.
28. Окунев Я.М. Грядущий мир: 1923-2123. - М., 2013. - 208 с.
29. Оссендовский А. Бриг «Ужас»: избранные фантастические произведения. - М.: 2013. - 100 с.
30. Павленко П. На Восток. Роман. - М.: Советский Писатель, 1937. - 440 с.
31. Платонов А.П. Котлован. Ювенильное море: [сборник]. - М.: АСТ, 2016. - 320 с.
32. Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков) [Электронный ресурс], - URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/duverge.htm> (дата обращения: 10.05.2017)
33. Радек К. Зодчий социалистического общества. - М.: Партийное издательство, 1934. - 46 с.
34. Стругацкий А., Стругацкий Б. Страна багровых туч: Повесть. Рассказы. Статьи, интервью. - М.: Текст, 1993. - 479 с.
35. Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров. Малыш: Повести. - М.: Текст, 1992. - 479 с.
36. Стругацкий А., Стругацкий Б. Жук в муравейнике. Волны гасят ветер: Повести. Отягощённые злом, или Сорок лет спустя: Роман. - М.: Текст, 1993. - 495 с.
37. Стругацкий А., Стругацкий Б. Извне. Путь на Альматею. Стажёры. Рассказы. - М.: Текст, 1991. - 428 с.
38. Стругацкий А., Стругацкий Б. Полдень, XXII век. Далёкая радуга: Повести. - М.: Текст, 1991. - 398 с.
39. Стругацкий А., Стругацкий Б. Пикник на обочине. Парень из преисподней. За миллиард лет до конца света. Повесть о дружбе и недружбе: Повести. - М.: Текст, 1992. - 399 с.
40. Стругацкий А., Стругацкий Б. Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века: Повести. - М.: Текст, 1992. - 415 с.

41. Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обречённый: Роман. - М.: Текст, 1992. - 349 с.
42. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 90 т. - М.: Художественная литература, 1956. Т.37: Произведения 1906-1910 гг. - 400 с.
43. А.В.Чаянов Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии – М.: Книга по Требованию, 2011. – 42 с.
44. Шпанов Н.Н. Первый удар: Повесть, роман. - М.: Вече, 2008.- 384 с.
45. XXII съезд коммунистической партии советского союза. 17-31 октября 1961 года. Стенографический отчет. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. - 592 с.

II. ЛИТЕРАТУРА:

46. Аллахвердян А.Г., Агамова Н.С. Образ советской и постсоветской науки: взлеты и спады (по данным статистических и социологических источников) // Образы будущего России: желаемое -возможное - необходимое / МПГУ. Институт истории и политики. М., 2016. С. 56 - 69.
47. Арефьева Н.Т. Прогнозирование и его социокультурные цели // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4. [Электронный ресурс], - URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Arefieva/> (дата обращения: 15.03.2017).
48. Архангельский А. Дырка от этики. Что не так с российской системой ценностей // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс], - URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=63999> (дата обращения 12.04.2017).
49. Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 49-66.
50. Бауэр А., Эйхгорн В., Кребер Г. Философия и прогностика / Под ред. И.В. Бестужева-Лады. - М.: Прогресс, 1971. – 425 с.
51. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995. - 323 с.

52. Бердяев Н.А. Смысл истории. - М.: Мысль, 1990. - 176 с.
53. Бердяев Н.А. Освальд Шпенглер и Закат Европы / Н.А. Бердяев, Я.М. Букшпан, Ф.А. Степун, С.Л. Франк. - М.: Берег, 1922. - 95 с.
54. Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А. Социальное прогнозирование. - М.: Педагогическое общество России, 2002. - 217 с.
55. Вайль П., Генис А. А. 60-е. Мир советского человека. - М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 368 с.
56. Володина Н.А., Алехин Э.В. Советский плакат в системе большевистской пропаганды: образ будущего (1917-1941) // Теория и практика общественного развития. 2015. №21. С. 179-181.
57. Володихин Д. Требуется осечка // Социальная реальность. М., 2007. №1. С. 79-94.
58. Геллер Л. Вселенная за пределом догмы. Размышления о советской фантастике. - Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd London, 1985. - 447 с.
59. Геллер Л., Никке М. Утопия в России / Пер. с франц. И. Булатовского. - СПб.: Гиперион, 2003. - 312 с.
60. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа анналов. - М.: Индрик, 1993. – 319 с.
61. Деменцева А.И. Образ будущего в философских течениях конца XIX и XX века // Вестник науки Сибири. 2012. № 1. С. 212-217.
62. Дыдров А.А. Основополагающие черты образа и фрагментарность образа будущего // Образ человека будущего. Челябинск, 2014. №1. С. 94-101.
63. Железнова М., Эппле Н. Россия без ориентира: Как страна утратила не только образ будущего, но и прошлого // Ведомости. 10.07.2016. [Электронный ресурс], - URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/10/07/659984-rossiya-orientira> (дата обращения: 15.01.2017).

64. Желтикова И.В. Перспективы России сквозь призму образов будущего рубежа XIX–XX веков // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Орел, 2012. №5. С. 85-93.
65. Заостровцев А. Концептуальные альтернативы теории модернизации: российские концепции - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 36 с.
66. Кара-Мурза С.Г. Образ будущего как ресурс // Сайт С.П. Курдюмова. [Электронный ресурс] - URL: <http://spkurdyumov.ru/future/upravlenie-razvitiem-predvidenie-i-proektirovanie-budushhego/2/> (дата обращения: 15.03.2017).
67. Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отечественные записки. Журнал литературный, политический и ученый. 2004. № 5. [Электронный ресурс] - URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriey-iz-knigi-proshedshee-budushchee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni> (дата обращения: 21.02.2017).
68. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. - 320 с.
69. Князева Е.Н. Конструирование будущего // Сайт С.П. Курдюмова. [Электронный ресурс], - URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/konstruirovanie-budushhego/2/> (дата обращения: 11.02.2017).
70. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи / Пер. С англ. В. Софронова-Антони. - М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. - 376 с.
71. Ленин В.И. Собр. соч.: В 31 т. / Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т.6: январь-август 1902. - 644 с.

72. Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России 1917-1929 гг.: Автореф. ... дис. докт. ист. наук: 10.11.04. / Московский гос. ун-т. им. М.В. Ломоносова. – М., 2004. – 460 с.
73. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: В 20 т. - М.: Директ-Медиа, 2014. Т. 4. - 642 с.
74. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: В 50 т. / Институт Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т.3: Немецкая идеология. - 629 с.
75. Марченко Г.И. Платон о пророчестве как политическом консультировании // Власть. 2016. №6. С. 152-159.
76. Маца И.Л. Литература и пролетариат на Западе / Коммунистическая академия. Секция литературы и искусства. - М.: Издательство коммунистической академии, 1927. - 216 с.
77. Малахов С.А, Раков А.П. Футуристические предсказания в формообразовании // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2012. № 2. С. 260-263.
78. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3. [Электронный ресурс], - URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 10.02.2017).
79. Ольшанский Д.В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
80. Ольшанский Д.В. Массовые настроения в современной политике // Моя газета. М., 1996. №29, 13 ноября.
81. Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избранные произведения / Сост. Я.И. Кузьминов. - М.: Республика, 1994. - 416 с.
82. Пантин В.И. Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. - Дубна: Феникс+, 2006. - 448 с.

83. Попов Д.А. Авангард как «Научное» исследование искусства // Известия Саратовского Университета. Философия. Психология. Педагогика. 2015. №1. С. 58-61.
84. Пермякова А. А. Конструирование будущего в XX веке как социокультурное явление (на примере художественной и политической мысли) // Материалы XVII международной апрельской конференции по проблемам развития экономики и общества [Электронный ресурс], - URL: <https://conf.hse.ru/2016/program> (дата обращения: 8.03.2017).
85. Ревич В. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. - М.: Институт востоковедения РАН, 1998. - 354 с.
86. Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2013. №1 (21). С.183-190.
87. Самиев А. Генезис и развитие исторического сознания. – Душанбе: Дионис, 1988. – 120 с.
88. Стругацкий Б. Комментарий к пройденному. Град обреченный // Аркадий и Борис Стругацкие. Официальный сайт. [Электронный ресурс], - URL: [Http://www.rusf.ru/abs/books/bns-07.htm](http://www.rusf.ru/abs/books/bns-07.htm) (дата обращения: 6.03.2017).
89. Симонова А. Формирование космической мифологии как фактора развития космоса в СССР и России // Социология власти. 2014. №4. С. 156-173.
90. Симонова О.А. К. С. Малевич и А. В. Луначарский: полемика в искусстве и культурная политика страны Советов в 1917-1935 годах // Вестник РХГА. 2011. №2. С. 230 - 238.
91. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства, конец XIX - начало XX века. - М.: РОССПЭН, 2008. - 677 с.
92. Сухих И.Н. Русский канон: книги XX века. - М.: Время, 2013. - 864 с.

- 93.Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.
- 94.Травин Д.Я., Маргания О.Л. Модернизация от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. - М.: АСТ, 2011. - 768 с.
- 95.Травин Д. Стратегия: как созреть для реформ // Ведомости. М., 2015. №3839, 27 мая.
- 96.Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / И. Д. Тузовский; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2009. – 312 с.
- 97.Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы: Пер. с разн. яз. / Под ред. В.А. Чаликовой. - М.: Прогресс, 1991. - 405 с.
- 98.Фокин А.А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50-60-х гг. XX века : дис...канд. ист. наук / Челябинский гос. ун-т. – Челябинск, 2007. - 218 с.
99. Цветков Е.В. Научная фантастика как способ конструирования социальной реальности: Автореф... дис. канд. философ.наук: 02.10.09. / Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. - Архангельск, 2009. - 182 с.
100. Чернышева А.В. Письма во власть как отражение результатов государственной политики // Социология власти. 2005. №4. С. 114-121.
101. Шакирова Е.Ю. Возможно ли прогнозирование будущего? // Известия Саратовского Университета. Философия. Психология. Педагогика. 2015. № 2. С. 17-21.
102. Шахматова Е.В. Мифотворчество Серебряного века // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2009.№ 322. С.78 - 85.
103. Ясперс К. О смысле и назначении истории. – М., 1991. – 527 с.
104. Bostrom N. A history of transhumanist thought // Journal of Evolution and Technology. Vol. 14. Issue 1. April 2005. P. 1-25.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Схема 1.

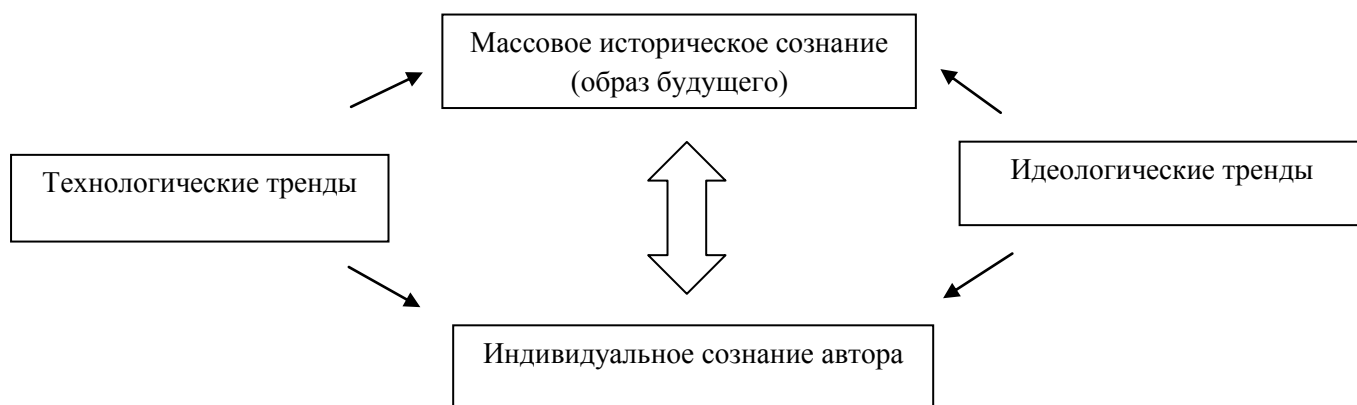
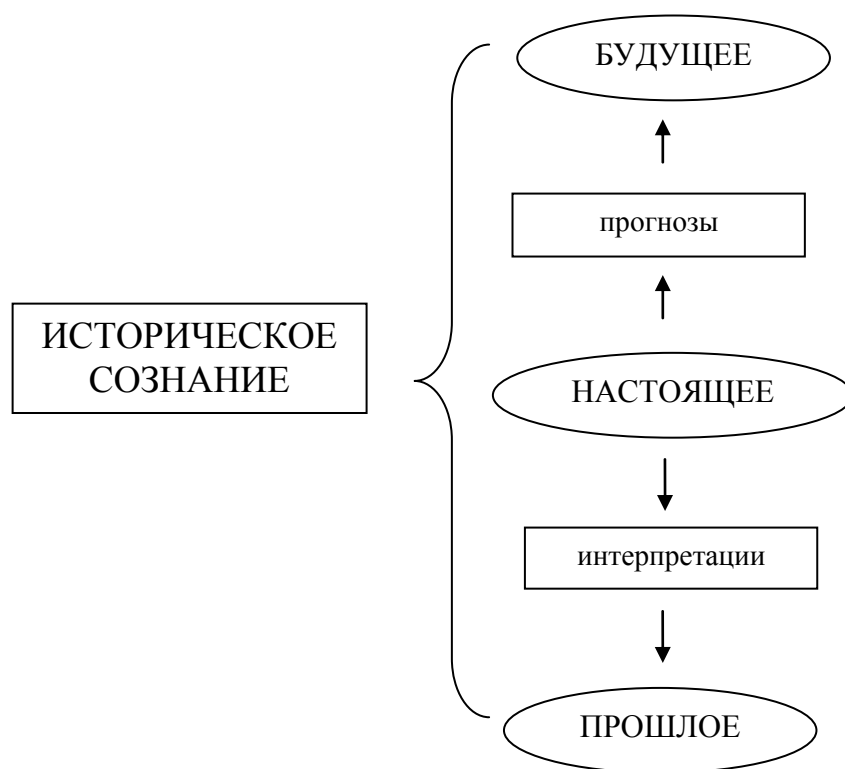

Схема 2.

Приложение 2.

«Пролетарии России разорвали цепи рабства, - вдохновляющая их идея коммунизма завоевала мир! »

Автор: Иванов С.И. Год: 1920

«Октябрьская революция - путь к светлому будущему»
Год: 1921

«Сбылись мечты народные!»
Автор: Лавров А.И. Год: 1950

«Мы строим социализм»
Автор: Ю.И. Пименов. Год: 1927

Приложение 3.

Таблица 1.

№	Прогноз	Название произведения	Автор	Результат
1	Открытие жизни на других планетах	На другой планете (1901)	Инфантьев П.П.	-
2	Дом под водой			+
3	Фонограф, усиливающий звук (колонки, громкоговорители)			+
4	Реализация карточной системы			+
5	Освобождение от труда машинами			+/-
6	Герметичные поезда в скоростных цилиндрах-дорогах (кругосветное путешествие за несколько часов)			+/-
7	Система подземных и подводных труб и кабелей обеспечивает жителей всей территории всем необходимым			-
8	Отсутствие больших городов			-
9	Равенство при сохранении классового общества	На соседней планете 1903	Крыжановская В.И.	+/-
10	Экипаж на электрической тяге (электромобиль)			+
11	Подводные плантации			+
12	Вечные фонари			-
13	Электрификация всех улиц			+/-
14	Жизнь на других планетах			

15	Существование государства на Южном полюсе	Республика Южного креста (1903)	Брюсов В.Я.	-
16	Одинаковая одежда жителей страны			+/-
17	Регламентация расписания дня государством			-
18	Диктатура за маской равенства			+
19	Появление новой формы летоисчисления (новый календарь)	Тост (1906)	Куприн А.И.	+
20	Земля превратилась во всемирный анархический союз			-
21	Использования магнитного поля Земли как источника энергии			-
22	Общение на больших расстояниях с помощью голограмм			+
23	Открытие жизни на других планетах	Красная звезда (1908)	Богданов А.А.	-
24	Изобретение пластического грима	Инженер Менни (1913)		+
25	Появление пилотируемого космического корабля			+

26	Использование искусственных волокон			+
27	Недостаток энергоресурсов			+
28	Равенство полов			+/-
29	Смещение всех рас на Земле	Королевский парк (1911)	Куприн А.И.	+/-
30	Улучшение здоровья людей			+
31	С середины XX века прекратились войны			-
32	Климат контролируется человеком			-
33	Исчезновение тюрем и всех видов наказаний			-
34	Техника сократила время труда до 4 часов в день			-
35	Короли стали живыми экспонатами			+/-
36	Угасание солнца	Жидкое солнце (1913)	Куприн А.И.	+/-
37	Изобретение альтернативного источника тепла для планеты			-
38	Использование научных изобретений во вред человечеству			+
39	Загрязнение природы человеком (экологическая)	Бриг „Ужас” (1913)	Оссендовский А.	+

	катастрофа)			
40	Биологическое оружие			+
41	Глобальный катаклизм, изменивший жизнь планеты	Грядущая борьба (1914)	Оссендовский А.	-
42	Европейская цивилизация уничтожила азиатскую			-
43	Правление промышленных королей			+/-
44	Рабочие живут под землей			-
45	Жесткая классовая система			-
46	Физическое принуждение к труду и пытки за некачественную работу			-
47	Биохимическое оружие			+
48	Общение на расстоянии с помощью голограмм и текстовых сообщений			+
49	Увлечение сциентизмом	Мы (1921)	Замятин Е. И.	+
50	Культ личности			+
51	Распространение доносительства, восприятие его долгом перед государством и обществом			+
52	Появление жесткого государственного контроля			+/-

53	Замена имен на номера			-
54	Репрессии			+
55	Искажение идеи социализма			+
56	Уничтожение крупных городов в России	Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии (1920)	Чаянов А. В.	-
57	Постройка скоростных трасс между всеми городами			+/-
58	Агрессия Германии в XX веке			+
59	Распад Европейского союза			+/-
60	Создание памятника мировой революции с изображениями Ленина, Керенского и Милюкова			-
61	Деление на экономические кластеры			+
62	Правление олигархии			+/-
63	Экономика России опирается на крестьянское хозяйство			-
64	Климатическое оружие			-
65	Япония останется монархией			+
66	Победа крестьянства над пролетариатом	-		

67	Автоматы, транслирующие сцены мировой истории			+
68	Переносные телефоны (аналог мобильных)			+
69	Население Москвы в 1980-е составит 30 тыс. человек			-
70	Разрушение Храма Христа спасителя			+
71	Реконструкция и изменение облика Москвы			+
72	Обнаружение жизни на других планетах	Страна Гонгури (1922)	В. Итин	-
73	Отсутствие деления на конкретные профессии и специальности	Грядущий мир: 1923-2123 (1923)	Окунев Я.М.	-
74	Кино-телескоп с увеличением в 20 тысяч раз			+
75	Появление альтернативных источников энергии			+
76	Общество полного равенства и свободы			-
77	Отсутствие органов власти			-
78	Короткий трудовой день			-
79	Масштабная катастрофа	Роковые яйца	Булгаков М.А.	+
80	Антинаучные теории в	(1925)		+

	угоду стремлению «выслужиться»			
81	Красный луч, вышедший из под контроля и повлекший серьезные последствия			+
82	Быстрое решение американско-русской компанией проблемы жилищного вопроса			-
83	Неуважительное отношение чиновников среднего звена к профессорам			+
84	Ученый выступает против использования своего изобретения			+
85	Скорая гибель государства			-
86	Ожидание научного прорыва в 20-30 годы			-
87	Пересадка органов	Голова	Беляев А. Р.	+
88	Операции на глазах	профессора Доуэля (1925)		+
89	Психотропное оружие	Властелин		+
90	Финансовый кризис	мира (1926)		+/-
91	Беспилотные самолеты			+
92	Ожидание прорыва в науке в 20-30 годы	Гиперболоид инженера	Толстой А.Н.	-

93	Мировой финансовый кризис	Гарина (1927)		+
94	Полезность и обязательность спорта как национальная идея			+
95	Частные клиники	Человек-амфибия (1927)	Беляев А.Р.	+
96	Гибридизация животных			+/-
97	Развитие трансплантологии			+/-
98	Акваланг			+
99	Электронная система удаленного голосования	Клоп (1928)	Маяковский В.В.	+
100	Механизация труда			+
101	Поголовное увеличение продолжительности жизни до ста лет			-
102	Существование федерации Земли с 1965 года			-
103	Признание человеческой жизни неприкосновенной и невозможность убийств			-
104	Гормональная медицина	Человек потерявший лицо (1929)	Беляев А.Р.	+
105	Загрязнение атмосферы	Продавец воздуха (1929)		+
106	Подводные плантации	Подводные		+
107	Подводные дома	земледельцы		+

108	Ранцы для передвижения под водой	(1930)		+/-
109	Крах советской системы и разочарование в ее идеях	Котлован (1930)	Платонов А.П.	+
110	Преобразование природы	Страна счастливых	Ларри Я.	+
111	Массовый трудовой энтузиазм			-
112	Создание искусственного спутника земли	Звезда КЭЦ (1936)	Беляев А. Р.	+
113	Трещины на Луне			-
114	Жизнь на Луне			-
115	Мутация животных от радиации			+
116	Полет на Луну и высадка там человека			+
117	Появление орбитальной станции			+
118	Появление пилотируемого корабля			+
119	Экологическая катастрофа	Пылающий остров (1936)	Казанцев А.П.	+
120	Нехватка кислорода			+/-
121	Электрогипноз	Лаборатория дубль-вэ (1938)	Беляев А.Р.	-
122	Многолетний международный конфликт	Дорога на океан (1936)	Леонов Л.	+
123	Быстрая победа над Японией в военном конфликте	На востоке (1936)	Павленко П.	-

124	Быстрая победа над захватчиками с помощью авиации	Первый удар (1939)	Шпанов Н.	-
125	Подводные мосты между странами	Арктический мост (1946)	Казанцев А.П.	+
126	Увеличение продолжительности жизни до нескольких сотен лет			-
127	Появление общего языка			+/-
128	Глобализация			+/-
129	Механизация мозга			-
130	Искусственное увеличение объемов памяти			-
131	Распространение частных воздухоплавающих и водоплавающих машин			-
132	Единое государство на Земле	Туманность Андромеды (1957)	Ефремов И.А.	-
133	Воспитание детей вне семьи			-
134	Искусственные солнца на полюсах			-
135	Полный контроль над климатом планеты			-
136	Ориентированность образования на практику			+/-
137	Практически все имеют			-

	несколько высших образований			
138	Все человечество - коммунисты			-
139	Стирание различий между расами			+/-
140	Общий язык человечества			+/-
141	Массовое увеличение продолжительности жизни (более ста лет)			-
142	Электронные книги			+
143	Омоложение организма с помощью радиоволн и лазера			+/-
144	Покорение космоса	Страна	Стругацкий	+
145	Жизнь на других планетах	багровых туч	А.Н.,	-
146	Экспедиции на другие планеты	(1959)	Стругацкий Б.Н.	-
147	Существование колец у всех планет-гигантов	Стажеры		+
148	Отсутствие стихийных бедствий	Полдень,		-
149	Всеобщее равенство и изобилие	XXIIвек (1961)		-
150	Решена проблема недостатка ресурсов			-
151	Все население Земли - коммунисты			-
152	Линия доставки пицци (доставка еды на дом)			+

153	Телевидение, дополненное запахами	Хищные вещи века (1965)		+/-
154	Четырехдневная рабочая неделя			-
155	Аудионаркотики			+/-
156	Кризис массовой культуры			+
157	Беспилотные автомобили			+
158	Автоматические мусорные машины			+
159	Обилие телевизоров и широкое потребление длительных телепродуктов			+
160	Серьга-приемник (гарнитура)			+
161	Пейнтбольное ружье (ляпник, заряженный баллончиком с краской)			+
162	Обострение социального расслоения	Час быка (1968)	Ефремов И.А.	+
163	Кризис массовой культуры			+
164	Жизнь на других планетах			-
165	Освоение космоса	Обитаемый остров (1969)	Стругацкий А.Н., Стругацкий	+
166	Земляне контролируют порядок в галактике			-

167	Зона отчуждения	Пикник на обочине (1972)	Б.Н.	+
168	Разочарование в существующем порядке			+
169	Большой Всепланетный Информаторий (общая база данных)	Жук в муравейнике (1979)		+/-
170	Видеосвязь			+
171	Появление групп с низкими потребностями и отсутствием желания трудиться	Отягощенные злом, или сорок лет спустя (1988)		+
172	Педагог - особенно престижная профессия в будущем		+/-	
173	Распад СССР (окончание эксперимента)	Град обреченный (1989)		+
174	Решение проблемы голода искусственной пищей	Купол надежды (1980)	Казанцев А.П.	+/-
175	Лаборатории в Антарктиде			+
176	Распад СССР	Невозвращенец (1989)	Кабаков А.А.	+
177	Девальвация ценностей			+
178	Голод			+
179	Криминогенная обстановка после развала СССР			+

